

СВѢТЪ И ТѢНИ.

Руб. слов. СССР. 175. 1904.

Слѣдуетъ-ли рисковать гениемъ?

Моя статья по поводу испытанія г. Собинова относительно годности его къ военной службѣ, — статья, въ которой я наметилъ ту мысль, что огромные, исключительные таланты слишкомъ большое сокровище, слишкомъ большая національная цѣнность, чтобы изъ нихъ дѣлать рядовую военную силу, — вызвала цѣлый рядъ читательскихъ писемъ. Одни благодарятъ меня, впрочемъ, не за самую сущность моей статьи, которая, можетъ-быть, имъ далека, а собственно за г. Собинова; нѣкоторые даже просятъ меня позвать отъ ихъ имени ему руку. Просьбы этой не исполню, такъ какъ съ г. Собиновымъ не знакомъ. Другіе съ моей статьею не согласны. Несогласные дѣлятся, въ свою очередь, на двѣ категоріи. Одни несогласны съ тѣмъ, что исключеніе надобно сдѣлать именно для г. Собинова, находя, что самый распрекрасный голосъ не имѣетъ большого общественнаго значенія, что онъ служить только наслажденію, забавѣ; другіе полагаютъ, что исключеній нельзя дѣлать вообще; что общія воинская повинность—это такой демократическій, нивелирующий институтъ, предъ лицомъ котораго нищій и Крезъ, глухой и гений одинаково равны.

Въ одномъ коллективномъ письмѣ, авторы котораго стоятъ противъ исключенія именно для г. Собинова, написано: «Что получилъ міръ отъ того, что пѣлъ г. Собиновъ въ театрѣ и на театральныя подмосткахъ пригородныхъ мѣстностей, куда стекалась слушать его сытая и довольная буржуазія, изъ числа которой если не всѣ, то добрая половина, быть-можетъ, и совсѣмъ не проникалась никакими общественными вопросами; ими этотъ пѣвецъ выносился чуть не на рукахъ и руки его покрывались поцѣлуями». Далѣе мои корреспонденты ставятъ въ счетъ пѣвцу и его болѣе нежели обезпе-

ченную жизнь, и удвоенныя цѣны на спектакли съ его участіемъ.

Обо всемъ этомъ я говорить, разумѣется, не буду, такъ какъ это не имѣетъ никакого отношенія къ принципиальному рѣшенію вопроса. Пускай г. Собиновъ будетъ псаломъ ада, пускай онъ будетъ милый ангелъ во плоти, пускай онъ очень рѣдко даетъ благотворительные концерты, пил—напротивъ—только и дѣлаетъ, что занимается благотворительностью. Это нисколько не мѣняетъ вопроса.

По отношенію къ г. Собинову вопросъ сводится лишь къ тому—что такое оперный пѣвецъ? Является-ли онъ такою же общественной драгоценностью, какъ, напримеръ, крупный писатель, что-ли?

А этотъ вопросъ поднимъ, и даже такой талантливый и умный писатель, какъ г. Аббадона, возражая въ «Руси» г. Барскому, пишетъ:

Ивановъ въ состояніи закричать верхнее до-дѣзъ и прополоскать горло фюритурой, а Сидоровъ подобныя возможности лишень и, слѣдовательно, долженъ итти подъ вражескія пули, покуда Ивановъ будетъ пѣть въ оперѣ на утѣшеніе сытой буржуазіи Петербурга и Москвы. «Я не подлежу всеобщей повинности потому, что хорошо пою арію Ленскаго передъ дуэляю», — вотъ, собственно говоря, все логическое построеніе предложеннаго требованія.

Согласитесь, что въ какой-либо глухой сѣверной деревнѣ, гуртомъ отправляющей своихъ поилыцевъ-кормильцевъ подъ огонь японскихъ пулеметовъ, заявленіе подобнаго освободительнаго ценза вызвало бы глубочайшее недоумѣніе: „Какое кому дѣло до того, что ты хорошо поешь какую-то арію Ленскаго? И почему оторвать тебя отъ арии Ленскаго нельзя и грѣхъ, тогда какъ тысячи людей отрываются отъ напѣвъ, такъкихъ станковъ, машинъ, промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, которыми кормятся ихъ семьи и поддерживается государственная жизнь?“ Хорошо вспаханная полоса для общества важнѣе хорошо спѣтой арии, и портной Гришка Заходусный, узнавъ, что освобождаются за свои таланты отъ воинской повинности гг. Собиновъ, Шевелевъ и др., пожалуй, скажетъ:

— Почему же гонять на войну меня? Если вы печетесь о талантѣ, то насчетъ кройки, стежки — я самъ въ своемъ ремеслѣ Собиновъ!

«Хорошо вспаханная полоса выше хорошо спѣтой арии». Это, въ сущности, только новая редакція стараго положенія—«сапоги выше Шекспира» и печной горшокъ дороже бельведерскаго кумира. Казалось бы, такъ понятно, что здѣсь мы приходимъ къ абсурду, потому что сравниваемъ совершенно несравнимыя явленія. Ставъ на утилитарную точку зрѣнія, не слѣдуетъ уже останавливаться на сравненіи хорошо вспаханной полосы съ хорошо спѣтой аріей: почему не сравнить ее съ хорошо написанной сонатой. Хорошо вспаханная полоса важнѣе шестой сонаты Чайковского. И въ той же самой глухой сѣверной деревнѣ вамъ подтвердятъ: знамо, важнѣе.

Да что въ глухой сѣверной деревнѣ? Въ людномъ южномъ нашемъ курортѣ приходитъ въ редакцію мѣстной газеты обыватель. Указываетъ на висящій на стѣнѣ портретъ Чехова и спрашиваетъ у завѣдующаго редакціей:

— Вашъ портретъ?

— Нѣтъ, Чехова.

— Папеньки, значить?

— Да нѣтъ же, писателя, Чехова.

Удивился посетитель, — зачѣмъ виситъ портретъ «чужака»?

Вотъ вы и подите съ нимъ. Такъ что ужъ тутъ ссылаться на авторитетъ глухой сѣверной деревни?

Пѣвецъ Собиновъ «прополаскиваетъ фюритурой горло», музыкантъ Бетховенъ, или, тамъ, Моцартъ сочинили какую-то музыку, какой-то неизвѣстный художникъ много столѣтій тому назадъ вырѣзалъ изъ мрамора голую женщину, отъ которой жители глухой сѣверной деревни будутъ только отплевываться, — конечно, полоса, да даже и не полоса, а просто фунтъ ржаного хлѣба не въ примѣръ полезнѣй.

Но—уступимъ г. Собинова. Богъ съ нимъ и со всѣмъ «чистымъ искусствомъ»; пускай скинутъ. А съ остальными талантами, великаго значенія которыхъ не отрицаютъ и тѣ, кто не допускаетъ, тѣмъ не менѣе, изыатій,—съ ними какъ быть? Ну, примѣръ, скажемъ, Толстой, если бы былъ молодъ? Чеховъ?

Многіе находятъ, что и Толстой, и Чеховъ, и всѣ таланты и гении міра должны раздѣлять общую повинность сражаться за родину.

Кто говоритъ,—демократичность принципа всеобщей воинской повинности въ высокой степени симпатична. У насъ такъ мало равенства во всѣхъ областяхъ и среди всѣхъ условій нашей жизни, что пускай оно будетъ хоть гдѣ-нибудь.

Но вѣдь совершенно всеобщей повинности у насъ нѣтъ: избавленъ отъ нея единственный сынъ, въ которомъ нуждаются родители; избавлены, напримѣръ, учителя: признается, что на своемъ посту они такъ необходимы, что война можетъ обойтись и безъ нихъ. Врачи отбываютъ воинскую повинность не въ качествѣ вооруженной силы, а въ качествѣ врачей же, потому что опять-таки признается, что на своемъ посту врачи они будутъ много полезнѣе, чѣмъ въ качествѣ солдата.

Если признается, что нужны на своемъ посту учителя, то отчего не признать, что нужны на своемъ посту хотя бы самые крупные, изъ ряда вонъ выходящіе таланты? Кто знаетъ, во сколько столѣтій умственнаго застоя обогнали Россіи ранняя смерть Пушкина, Лермонтова и многихъ другихъ выдающихся нашихъ писателей?

Кто больше теряетъ: армія-ли, вслѣдствіе отсутствія десятка-другого, скажемъ, даже сотни, гениальныхъ мирныхъ людей,—исключительныхъ, вѣдь, талантовъ не то что ширекъ въ бору, или страна отъ преждевременной гибели хотя бы одного-двухъ изъ нихъ?

Я началъ возражать своимъ читателямъ, но мнѣ хотѣлось бы возразить Аббадонѣ, талантѣ, умъ и громадную эрудицію котораго я высоко цѣню. Онъ, разумѣется, представилъ наиболѣе полныя и наиболѣе вѣсныя возраженія противъ опровергаемой имъ идеи исключенія, ради высшей экономіи, изъ войска людей огромнаго таланта.

«Люди таланта рѣдко жизнелюбивы», — пишетъ Аббадона и во главѣ храбрецовъ ставитъ двухъ нашихъ величайшихъ, погибшихъ на дуэляхъ талантовъ.—«Талантливые люди въ моменты возбужденія страны войною не уклонялись отъ участія въ ней». Оно такъ, но избавляетъ-ли это насъ отъ обязанности беречь выдающіеся таланты? Гений перѣдко несетъ свое божественное пламя такъ легко, что и самъ не замѣчаетъ его, какъ Пушкинскій

Моцартъ; можетъ-быть, отъ этого, да вслѣдствіе отсутствія арены для настоящей дѣятельности, такъ легко, часто и не серьезно рисковалъ своей жизнью Лермонтовъ. Именно отъ того, что онъ не сознавалъ тѣхъ величайшихъ обязанностей передъ обществомъ, какія налагаетъ на человека гений.

— Вы не имѣете права рисковать собой,—говорятъ отцу семейства:—у васъ жена, дѣти.

Во сколько же разъ болѣе въ правѣ сказать мы то же самое великому талантѣ?

— У васъ страна, весь міръ, которымъ вы нужны. На войнѣ васъ можетъ замѣнить всякій,—здѣсь васъ не замѣнить никто.

Отсылая таланты на войну, сотрудникъ «Руси» возлагаетъ заботу о нихъ на начальниковъ частей:

Дѣло начальника части памятовать, что ввѣренный ему рядовой Всеволодъ Гаршинъ—существо, Богомъ мѣненное, и не должно быть истраченнымъ понапрасну въ какой-нибудь безцѣльной рекогносцировкѣ, или просто замучасъ въ караулахъ. Рядовой Гаршинъ несетъ честно свой военный долгъ, а общественный долгъ военнаго мірка,—облегчить рядовому Гаршину исполненіе военнаго долга въ той мѣрѣ, какъ то возможно и поскольку того рядовой Гаршинъ самъ пожелаетъ.

Не будутъ-ли этимъ способомъ военные Гаршины, Лермонтовы и Львы Толстые поставлены въ весьма щекотливое положеніе и не будетъ-ли имъ стыдно своихъ товарищей: тѣ, вонъ, идуть, а я цаца, меня берегутъ. Точно любимчикъ въ гимназій, къ которому остальные товарищи относятся враждебно. Нѣтъ, ужъ одно изъ двухъ: или не служить, или ужъ если служить, то какъ слѣдуетъ, безо всякихъ поблажекъ со стороны начальниковъ частей, которые, будучи прекрасными воинами, могутъ быть весьма беззаботны насчетъ искусства.

И, наконецъ, почему одинъ талантъ жаль отпустить на войну, а другой иного характера, но равный силой, не только можно, но даже въ томъ его какъ бы призваніе и провиденціальное назначеніе? Макаровъ, въ своемъ родѣ, такая же богато одаренная натура, какъ Верещагинъ, и, конечно, для общей экономіи русскаго умственнаго капитала ему тоже гораздо лучше было бы остаться въ живыхъ, чѣмъ лежать на днѣ Желтаго моря.

Да именно потому, что гений Макарова—военный гений; что на войнѣ онъ примѣняетъ свой талантъ именно въ той области, для которой онъ предназначенъ; на войнѣ онъ не одна изъ безчисленныхъ единицъ; у него талантъ, и этому таланту даютъ огромную власть надъ множествомъ людей, позволяютъ таланту развернуть свои силы. А выдающіеся мирные таланты на войнѣ только единицы и таланты ихъ тамъ не нужны.

А ставить огромный мирный талантъ въ ряды войны—все равно, что Макарова превратить въ обыкновеннаго рядового.

— Какой тамъ еще талантъ? Пускай будетъ какъ воѣ.

Я уже писалъ въ прошлой статьѣ, что формулировать законъ объ огражденіи самыхъ выдающихся силъ страны отъ риска потерять ихъ въ видѣ обыкновенныхъ рядовыхъ людей, можетъ-быть, будетъ очень трудно; что примѣненіе этого закона, если бы онъ явился, встрѣтило бы, можетъ-быть, большія затрудненія—все это такъ. Но вѣрно и то, что гений, талантъ есть нѣчто въ высшей степени рѣдкое, безконечно важное, драгоценное, что надо беречь и чего нельзя расходовать тамъ, гдѣ можно израсходовать обыкновеннаго человѣка.

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.